

В.Л. Тамбовцев

д.э.н., профессор. гл. н. с., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СЛОЖНОСТЬ: НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНСТИТУТОВ?

Аннотация. В последнее время концепция сложности и сложных систем получила достаточно широкое распространение в различных областях социальных наук, в том числе и в экономической науке. Этот поворот к сложности затронул и изучение институтов. Статья посвящена анализу сложившихся направлений применения концепции сложности в институциональных исследованиях с точки зрения полученных в них результатов. Особое внимание уделено понятию «институциональная сложность», получившему широкое распространение в рамках организационного институционализма. Показано, что это понятие не отражает какое-либо новое, ранее не исследуемое явление, а обозначает частный случай ситуации выбора из нескольких альтернатив, некоторые из которых оказываются результатом следования разным институтам. Анализируются причины широкого распространения этого понятия, обусловленные современными особенностями конкуренции в науке.

Ключевые слова: сложность, институт, институциональная логика, институциональная сложность, конкуренция исследовательских программ.

JEL: B52, D91

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_22_34

© В.Л. Тамбовцев

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тамбовцев В.Л. Институциональная сложность: новое направление изучения институтов? // Вопросы теоретической экономики. № 2. 2023. С. 22–34. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_22_34.

FOR CITATION: *Tambovtsev V.L. Institutional Complexity: Is It a New Direction for Institutional Research? // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. No. 2. 2023. Pp. 22–34. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_22_34.*

Понятие сложности в экономической науке

Подобно многим другим понятиям, чьи термины совпадают со словами, используемыми вне науки (например, рынок), понятие сложности не имеет единого строгого и операционального определения: в разных науках сложность понимается по-своему. Стремление к интеграции этих трактовок во многом связано с возникновением общей теории систем, в которой было введено понятие сложной системы [Von Bertalanffy, 1950a; Von Bertalanffy, 1950b]: если «просто» системы существуют во всех областях, изучаемых наукой, то такая же всеобщность не может не относиться и к сложным системам. Характеристики сложных систем разрабатывались, исходя из разных представлений, однако имели значительное сходство, что позволило в [Cilliers, 2000. P. 24] выделить их следующие основные черты:

- сложные системы состоят из многих элементов, которые могут быть сами по себе простыми;
- взаимодействия элементов (обмены энергией, веществами и информацией) нелинейны, разнообразны и динамичны, часто имея стохастический характер;

- эти взаимодействия содержат много прямых и косвенных обратных связей;
- сложные системы открыты, они взаимодействуют с внешней средой и далеки от состояния равновесия;
- у сложных систем есть распределённая память, они тем самым имеют историю, ощутимо влияющую на их поведение;
- это поведение зависит от взаимодействия элементов систем и обладает свойствами, которых нет у элементов, т.е. эмерджентными свойствами;
- сложные системы адаптивны и автономны, они могут менять свои элементы и взаимодействия между ними без вмешательства внешних агентов.

В другой, более поздней работе, также посвящённой характеристике того общего, что можно считать общепризнанным относительно сложных систем, авторы выделяют такие их черты, как нелинейность, наличие обратных связей, формирование спонтанного порядка, отсутствие централизованного контроля, наличие феномена возникновения, иерархичность организации и внутренняя гетерогенность [*Ladyman, Lambert, Wiesner, 2013*].

Легко видеть, что перечисленные свойства сложных систем присущи обществу и экономике, равно как и их многочисленным и разнообразным подсистемам, в силу чего «поворот к сложности» как в экономической науке, так и в других социальных науках был вполне естественным [*Arthur, 1999; Complex New World..., 2012; Byrne, Callaghan, 2014; The Complexity Turn..., 2017*].

Коль скоро основы для широкого, но принципиально не расходящегося понимания сложности в экономике связаны с трактовкой её различных феноменов как сложных систем, можно ожидать, что именно последние стали преимущественно тем концептом, посредством которого осуществлялся и будет осуществляться перенос идей теорий сложности в экономические исследования. Не пытаясь охарактеризовать все основные результаты этих исследований, упомяну некоторые из них.

Так, концепция сложности была применена для изучения феномена социальных инноваций и социального предпринимательства [*Goldstein, Hazy, Silberstang, 2008; Goldstein, Hazy, Silberstang, 2010*], а также институциональных инноваций [*Woodhill, 2010*]. Были предложены измерители сложности экономики [*Hidalgo, Hausmann, 2009; Tacchella, Cristelli, Caldarelli, Gabrielli, Pietronero, 2013; Hausmann, Hidalgo, Bustos, Coscia, Chung, Jimenez, Simoes, Yildirim, 2014*]. На этой основе в ряде работ было эмпирически показано, что сложность экономики и различных экономических систем оказывает влияние на их рост [*Vinci, Benzi, 2018; Gala, Rocha, Magacho, 2018; Sbardella, Pugliese, Zaccaria, Scaramozzino, 2018*]. Достаточно детальному анализу подверглись сложные адаптивные системы социальной координации, играющие значимую роль в сфере взаимодействия экономики и экологии, включая использование природных ресурсов [*DeCaro, Chaffin, Schlager, Garmestani, Ruhl, 2017; May, 2022; Van Assche, Valentinov, Verschraegen, 2022*]. Интересный, хотя и спорный подход предложен к трактовке конечных результатов (outcomes) в сфере управления предоставлением публичных услуг как к последствиям взаимодействия сложной системы их стейкхолдеров [*French, Lowe, Wilson, Mary-Lee, Hawkins, 2021*]. Авторы считают при этом важным различать четыре формы сложности: композиционную, опытную (experiential), динамическую и координационную (governance).

Более детально мы рассмотрим применения понятия сложности в сфере изучения экономических (и иных) институтов.

Разнообразие институционализмов и их конкуренция

Изучение институтов в экономике никогда не было делом последователей какого-то одного единого, системного подхода. Если У. Гамильтон обозначил это направление исследований одним термином «институциональная экономическая теория» («institutional

economics»), используя одновременно выражение «институциональный подход» и утверждая, что именно «институты являются совершенным предметом экономической теории» [Hamilton, 1919. P. 313], то уже чуть более десятилетия спустя А. Харрис писал о том, что если считать К. Маркса, Т. Веблена и У. Митчелла единой группой, то они будут ощутимо отличаться от сторонников классической и неоклассической экономических теорий, в то время как при их раздельном рассмотрении «разница между Митчеллом и Вебленом и между Марксом и Митчеллом будет куда глубже, чем между ними как группой и традиционными экономистами-теоретиками» [Harris, 1932. P. 722]. Впрочем, эти различия не нашли отражения в возникновении каких-либо «индивидуальных» институционализмов, и институциональная экономическая теория (или, как часто говорят, институциональная экономика) долго оставалась лингвистически целостной и единственной. Лишь четыре десятилетия спустя О. Уильямсон ввёл термин «новая институциональная экономическая теория» [Williamson, 1975], невольно породив для исходной (или оригинальной) институциональной экономики обидное наименование «старая институциональная экономика». Появлением двух альтернативных и плохо совместимых экономических институционализмов дело не кончилось, поскольку к началу 2020-х гг. в литературе можно было обнаружить ещё девять экономических институционализмов, заявивших о себе в публикациях, а также около двух десятков институционализмов в политической науке, организационной теории и социологии [Тамбовцев, 2021].

Каждый институционализм, заявивший о себе хотя бы наименованием, отличным от наименований других институционализмов, можно условно считать исследовательской программой (ИП). Условность такой квалификации связана с тем, что с точки зрения содержательного анализа он может оказаться скорее научно-интеллектуальным движением [Frickel, Gross, 2005], т.е. разновидностью социальных движений, обеспечивающей распространение в науке тех или иных идей, которые в принципе могут быть и неоригинальными, совпадающими с идеями других ИП. Новизна обозначения играет в этом случае чисто маркетинговую роль. Поскольку обоснование для каждого институционализма его квалификации — это особая исследовательская задача, будем для определённости считать, что каждый из них является ИП.

В рамках анализа науки и роста научного знания широко распространено выражение «конкуренция исследовательских программ», введённое И. Лакатошем: «История науки — это история конкуренции исследовательских программ...» [Lakatos, 1970. P. 155]. Между тем содержание этого выражения ясно говорит о его *метафорическом* характере, поскольку ИП как таковые конкурировать не могут, конкуренция между ними — это конкуренция между *исследователями и их группами*, разделяющими содержание различных ИП и ведущими в их рамках исследовательскую деятельность. Это очевидное уточнение позволяет придать содержанию данного выражения необходимую операциональность в виде трактовки его как совокупности различных *конкурентных действий*, осуществляемых сторонниками той или иной исследовательской программы. При этом для того, чтобы происходил рост научного знания, одной конкуренции мало: необходима ещё и определённая *автономность* исследователей, т.е. возможность самостоятельно выбирать объекты и направления их изучения [Sassower, 2021].

Однако преобладание в последние два-три десятилетия в большинстве стран мира научной политики, реализующей идеи неолиберализма, автономность исследователей оказывается в определённой степени ограниченной. Конкуренция между учёными, направленная на достижение первенства в производстве нового научного знания, оказывается зависящей от конкуренции между обеспечивающими подсистемами науки, в первую очередь между финансирующими организациями [Тамбовцев, 2022a]. Руководители последних, фактически стараясь оказать влияние на вышестоящие уровни государственного управления, используют при этом те библиометрические показатели, которыми характеризуются

финансируемые ими научно-исследовательские организации. Соответственно, они требуют от работников последних не столько производства новых научных знаний, сколько публикаций таких работ и в таких журналах, чтобы упомянутые показатели приобретали высокие значения, что позволило бы руководителям финансирующих организаций повысить свой статус в глазах вышестоящих государственных деятелей.

Понятно, что в таких условиях классическая конкуренция в науке (когда сторонники одной ИП проверяли бы гипотезы и теории другой/других ИП, стараясь фальсифицировать их или пересматривать, и наоборот) отходит на второй план, поскольку ожидать от соответствующих статей, например, высокого уровня цитирования вряд ли приходится. Её место занимает *конкуренция за публикации* в высокорейтинговых журналах и за *высокий уровень цитирования* опубликованных работ. Замечу, что ещё в начале широкого распространения нынешней научной политики была выявлена «формула автора» на основе эмпирического анализа научных журналов. Это некоторое количество правил, следуя которым, автор повышал бы вероятность и быстроту принятия своих рукописей к печати: 1) не касайся важных проблем; 2) не подвергай сомнению сложившиеся убеждения; 3) не получай неожиданных (surprising) результатов; 4) не используй простые методы; 5) не обещивай полное раскрытие исходных данных; 6) не пиши ясно [Armstrong, 1982]¹. В практике реализации упомянутых направлений конкуренции в науке используются, конечно, гораздо более разнообразные приемы.

Рассмотрим некоторые из них на примере использования в анализе институтов понятия сложности.

Разнообразие трактовок сложности в изучении институтов

В ситуации множественности ИП институционального анализа нет ничего удивительного в том, что в данной сфере существует несколько трактовок и областей применения сложности.

Во-первых, это подход, в рамках которого в основу анализа положено понятие *сложной системы*, базовые характеристики которого представлены в начале статьи. Анализ показывает, что он свойственен преимущественно неэкономическим институционализмам. Так, в юридической теории правовая система определяется как сложная, если входящие в неё «правила, процессы, институты и поддерживающая их культура обладают четырьмя свойствами: плотность (density), нестрогое следование формальности (technicality), разграниченность (differentiation) и неопределённость (indeterminacy or uncertainty)... Альтернативное и потенциально полезное определение может опираться на то, воспринимают ли юридические нормы, процессы или институты как сложные те индивиды, которые имели опыт их применения» [Schuck, 1992. P. 3]. В политических исследованиях «институциональная сложность является определяющей характеристикой современной социальной координации (modern governance)... Сложная сеть институтов координирует многие вопросы природоохранной политики, воздействуя на интересы сотен различных политических акторов» [Lubell, 2013. P. 537]. Под институтами, правда, здесь понимаются организации. Также они трактуются и другими исследователями социальной координации [Duit, Galaz, 2008; Orsini, Le Prestre, Haas, Pattberg, Brosig, Widerberg, Gomez-Mera, 2019; Faude, 2020]. Например, Р. Ким, характеризуя сетевую систему глобальной социальной координации, включающую как международные институты (т.е. международные организации), так и собственно институты (т.е. международные соглашения), отмечает,

¹ Разумеется, эта «формула» в значительной мере шуточная, но похоже, многими авторами публикуемых сегодня статей она используется вполне всерьёз.

что «понятие сложности подчёркивает, что компоненты системы могут самоорганизовываться и обеспечивать рост внешне скоординированного и адаптивного поведения даже при отсутствии центральной власти» [Kim, 2020. Р. 904]. Данный подход, будучи безусловно полезным для исследования социально-экономических систем, вместе с тем лишь косвенно затрагивает анализ институтов в том их понимании, которое было предложено Д. Норттом, т.е. как правил в единстве с механизмами принуждения к их исполнению [North, 1984].

Во-вторых, в этой связи нельзя не отметить оригинальный подход к оценке *сложности институциональной среды* различных организаций, разработанный и реализованный в ряде работ С. В. Ореховой [Орехова, 2015; 2016]. Трактую институты в соответствии с определением Д. Норта, автор характеризует сложность институциональной среды как *трудность* для агентов войти в нее и действовать в ней. Для оценки сложности предлагается использовать десять ключевых индикаторов: девять для измерения административных барьеров входа на рынок (такие, как необходимость и стоимость лицензирования, наличие или отсутствие минимально допустимого размера уставного капитала, наличие/отсутствие ограничений по выбору организационно-правовых форм, количество надзорных органов, используемых в отрасли и др.) и один — для оценки стимулирующих условий и факторов для входа в отрасль, а именно виды государственной поддержки, ориентированные на предприятия конкретной отрасли. Исходя из оценок ключевых индикаторов в порядковых и количественных шкалах, формируются интегральные оценки уровня институциональной сложности отраслевых рынков. Такой подход представляется весьма продуктивным как в теоретическом, так и в прикладном плане, поскольку он идейно близок альтернативной трактовке сложности правовой системы, упоминаемой в начале этого раздела, которая связывала её с восприятием компонентов этой системы их пользователями. Можно спорить относительно состава ключевых индикаторов, однако нельзя не признать, что данный подход вносит вклад в изучение институциональной среды на разных уровнях её выделения.

В-третьих, в литературе представлены различные подходы к понятию *сложности отдельных институтов*. Наиболее ранние из них были предложены в рамках антропологии и отождествляют институты с организациями: «Сложный институт — это тот, который содержит большое число малых групп, некоторые из которых выполняют виды деятельности, отличные от тех, которые делают другие» [Coop, 1948. Р. 608]; «Чем более широко разветвлена (ramified) и специализирована социальная организация, тем более сложными являются паттерны действий внутри нее» [Naroll, 1956. Р. 695]. Следование этому подходу можно встретить и среди экономистов в наши дни: «Институциональная сложность предприятия... проявляется в уровне его внутренней стратификации, что неизбежно в целях управляемости и согласованности порождает иерархические отношения» [Шварцбургд, 2011. С. 80]; «Нормы, правила, традиции можно рассматривать как простые или первичные институты по отношению к организациям — сложным институтам. Организации функционируют на комплексной системе норм, правил, традиций, ориентаций, разделяемых смысловых значений» [Ирхин, 2014. С. 64]. В настоящее время ряд исследователей сложности институтов исходит из положений теории сложных систем, опираясь на них при агент-ориентированном моделировании институтов [Roos, 2021; Sindzingre, 2021]². Выражение «сложность института» можно встретить также в отечественных работах по юриспруденции, где термин *институт* означает группу норм, имеющих близкие объекты регулирования, которые по своему масштабу не образуют отдельную отрасль права (см., например: [Джалилова, 2018]). Соответственно, «можно выделить простые институты, то есть институты, которые нельзя разложить на более мелкие. К таким институтам можно отнести институт патентования, институт налоговых льгот и т.д. К сложным (составным)

² Моделирование институтов — тема, заслуживающая специального анализа, поэтому здесь мы не будем её развивать.

институтам относятся такие институты, которые можно разложить на простые. Например, институт технопарков, который включает институт консультирования, предоставления помещений, иногда микрофинансирование и т.д. Или институт защиты интеллектуальной собственности, который включает патентование, лицензирование, судебную систему в части арбитражных судов и т.д.» [Исламутдинов, 2014. С. 82].

Институциональная сложность в организационном институционализме

Публикации, относящиеся к трём рассмотренным выше подходам к анализу институтов с точки зрения сложности, отнюдь не доминируют в данном направлении исследований: эту роль уверенно играют работы, относящиеся к ИП организационного институционализма и использующие специфический термин «институциональная сложность» (institutional complexity). Согласно [Greenwood, Raynard, Kodeih, Micelotta, Lounsbury, 2011. P. 317], «организации сталкиваются с институциональной сложностью, когда они противостоят несовместимым предписаниям со стороны многих институциональных логик». Таким образом, именно понятие институциональной логики выступает в роли ключевого для понимания содержания институциональной сложности. Логика институтов характеризуется в [Friedland, Alford, 1991. Pp. 248–249] следующим образом: «Каждый из наиболее значимых институциональных порядков в современных западных обществах имеет центральную логику — множество материальных практик и символических конструкций, которая конституирует его организационные принципы и доступна для развития организациям и индивидам. Институциональная логика капитализма — это накопление и коммодификация человеческой деятельности. Для государства — это рационализация и регулирование человеческой деятельности юридическими и бюрократическими иерархиями. Для демократии — это участие и расширение народного контроля человеческой деятельности. Для семьи — это сообщество и мотивация деятельности посредством безусловной лояльности его членам и их воспроизводственным нуждам. Для религии или науки — это истина, либо мирская, либо трансцендентальная, и символическая конструкция реальности, внутри которой имеет место любая человеческая деятельность. Эти институциональные логики символически обоснованы, организационно структурированы, политически защищены, и технически и материально ограничены, и тем самым имеют специфические исторические пределы».

Упомянутые в данной цитате институты (на самом деле — социально-экономические системы) — это, как полагают авторы, «надорганизационные паттерны человеческой активности, посредством которых индивиды и организации производят и воспроизводят своё материальное существование (subsistence) и организуют пространство и время. Это также символические системы, пути упорядочения реальности, и тем самым они делают ощущение пространства и времени осмысленным» [Op. cit. P. 243]. Так что же такое, например, семья — это институт, институциональный порядок, паттерн или символическая система? Читатель, привыкший к *строгому определению* понятий, может выбирать любой из предложенных вариантов, считая, однако, что каждый из них имеет собственное значение, хотя для Р. Фридланда и Р. Алфорда все они обозначают одно и то же. Такой «плюрализм» обозначений одного и того же (по мнению авторов) содержания очень удобен для написания многословных текстов, но крайне затруднителен для формулирования проверяемых практикой утверждений...³

³ Критический анализ понятия институциональной логики с позиций социологии дан в [Шмерлина, 2016].

Замечу также, что перечисленные выше «логики», во-первых, весьма *произвольно приписываются* соответствующим «институтам», которым можно легко придавать и иные «логики», оставаясь в рамках авторского «плюрализма» значений. Во-вторых, то, что здесь именуется «институтами», или «наиболее значимыми институциональными порядками», представляет собой не более чем абстракции, в то время как реально существующие социальные феномены с аналогичными именами (названиями) состоят из *различных сочетаний* таких «институтов». В силу этого входящие в них индивиды безусловно будут постоянно сталкиваться одновременно с несколькими «логиками», или требованиями, которые к ним предъявляют соответствующие «институты». Тем самым множественность «институциональных логик» должна быть массовой, в то время как «чистые» «логики» — чрезвычайно редкими событиями. Таким образом, в основе всей концепции «институциональной логики» оказываются абстракции, содержание которых лишено эмпирических денотатов. Это означает, что утверждения, включающие такие понятия, эмпирически невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть, поскольку относительно них одинаково возможно как первое, так и второе когнитивное действие.

Из приведённых положений ясно следует, что все упоминаемые концепции относятся к *социологии*, а не к тому или иному экономическому институционализму. Однако поскольку объектами обсуждений выступают *экономические объекты*, такие как организации, фирмы, отрасли и т.п., то правильно оценить «научную локализацию» обсуждаемого подхода или ИП с первого взгляда не всегда возможно. Отнесению её к сфере экономической науки и менеджмента способствует, в первую очередь, применяемая терминология, внешне совпадающая с экономической и менеджериальной, однако серьёзно отличающаяся от последних по содержанию. Другие характеристики ИП организационного институционализма как части социологии приведены в [Тамбовцев, 2022b].

Интересно отметить, что исследования ситуаций выбора между вариантами следования разным институтам начались в сфере анализа менеджмента организаций задолго до появления статьи [Greenwood, Raynard, Kodeih, Micelotta, Lounsbury, 2011]. Так, в [Connolly, Conlon and Deutsch, 1980] они были названы множественностью заинтересованных сторон (multiple constituency approach), а в [Quinn, Rohrbaugh, 1981] — конкурирующими ценностями (competing values model), и применялись для изучения результативности организаций [Zammuto, 1984; Cameron, 1986]. Не менее интересно и то, что в упомянутой статье Р. Гринвуда и его соавторов (2011) нет ссылок ни на одну из работ, где были введены понятия множественности заинтересованных сторон и конкурирующих ценностей. В принципе в переназвании того или иного понятия нет ничего невероятного, если исследователь, изучив практику применения «старого» термина, предлагает новый, как более адекватно отражающий содержание понятия. Однако в нашем случае ничего подобного не было: Гринвуд и его соавторы просто недостаточно внимательно изучили литературу, посвящённую исследованию подобных ситуаций, и фактически «изобрели велосипед», используя новую терминологию.

Замечу, что нечёткость применяемой терминологии позволяет сторонникам организационного институционализма формулировать весьма неожиданные утверждения. Так, в [Costa, Teixeira, 2013. P. 416] авторы говорят о существовании институтов, предписывающих несопадающие действия в одних и тех же ситуациях, как о «множественных и иногда противоречивых рациональностях». Здесь налицо очевидная подмена понятий: противоречивы не «рациональности» (рациональность у людей одна, это следование своим интересам, которые могут варьировать от эгоистического до альтруистического), но противоречивы *требования к адресатам* институтов (и санкции за их нарушения) со стороны гарантов институтов. Если представления о «противоречивых рациональностях» являются не более чем домыслом, то противоречивость требований и разнообразие интересов (функций полезности) — эмпирически установленные факты. Чему следовать — домыслам или фактам, выбирать, конечно, читателям.

По мнению М. Косты и М. Тейшейры, противоречия «институциональных логик» приводит к противоречиям на уровне индивидов и общества в целом, а противоречия на уровне общества в целом «можно понимать как причинные факторы, которые могут вести к изменениям посредством бриколажа, трансляции или других доступных механизмов, а также тех, которые ещё должны быть развиты» [Ibid.]. Безусловно, наличие противоречий или несоответствий требований, предъявляемых тем или иным субъектам, может стать причиной, по которой эти требования могут быть изменены. Однако при этом почему-то упускается из виду такой наиболее массовый способ «преодоления» упомянутых противоречий, как выбор теми, кто сталкивается с противоречивыми вариантами, *одного из них*, т.е. следование тому из требований, которое обещает нанести нарушителю наибольший вред в конкретной ситуации. В других ситуациях человек может сделать другой выбор, не неся в целом издержек на изменение самих институтов, поскольку эти издержки, с его точки зрения, могут оказаться запретительно высокими. Замечу, что именно об этом говорит эффект блокировки, выявленный Д. Нортон в конце 1980-х гг. [North, 1990. P. 7].

В этом плане, понятие множественных институциональных логик, или институциональной сложности, концентрируясь на вытекающих из них институциональных изменениях, оказывается весьма узким, упускающим из вида широко распространённый на практике эффект блокировки, из существования которого следует отмеченная выше наиболее массовая реакция индивидов на противоречивые требования. Тем самым, эти концепты демонстрируют свою низкую исследовательскую продуктивность: во-первых, «пропуская» такую массовую реакцию людей, как выбор между «логиками», а во-вторых, не объясняя причин долговременной живучести противоречащих институтов.

Попытка защитить исследовательскую продуктивность концепции институциональной логики представлена в [Skelcher, Smith, 2015], где авторы строят теорию гибридных организаций как единиц, которые сталкиваются с множественными нормативными структурами. Однако такое «столкновение» — результат *сознательного выбора* создателей подобных организаций, которые решили, например, сочетать рыночные акты купли-продажи с предоставлением ценовых льгот малоимущим либо ввести специфические условия труда для людей с ограниченными возможностями и т.п, т.е. с альтруистичными действиями, свойственными нерыночным благотворительным организациям. Иными словами, упомянутое «столкновение» не может объяснить возникновение и поведение гибридов, поскольку является вполне ожидаемым *следствием* формирования именно гибридных организаций. И вполне убедительное объяснение последнему даётся, например, в [Kistruck, Beamish, 2010; Haigh, Walker, Vasq, Kickul, 2015], где возникновение бизнес-моделей гибридных организаций связывается с ростом рынков для социальных и экологически чистых продуктов и услуг, так что рост числа гибридов оказывается естественной реакцией на возникновение новых рыночных возможностей. Иными словами, гибриды — это чисто предпринимательское изобретение новых способов получения прибыли в ответ на новый характер спроса.

Мы видим, таким образом, что введённый и широко используемый в организационном институционализме термин «институциональная сложность» не отражает какое-либо неизвестное, не замечавшееся ранее свойство институтов или их совокупностей. Это обозначение вполне типичных и массовых ситуаций множественности факторов принятия решений, некоторые из которых являются противоречивыми или разнонаправленными. Хорошо изучены и способы (стратегии) преодоления таких ситуаций: это либо выбор наиболее выгодных или наименее ущербных способов действий, либо принятие действий, направляемых на изменения конфликтующих факторов. Обе стратегии имеют как выигрыши, так и издержки, соотношение которых (с учётом ограниченной рациональности лиц, принимающих решения) и определяет действия индивидов, столкнувшихся с подобными проблемами. Важно подчеркнуть, что далеко не всегда конфликтующие факторы связаны с теми или иными институтами, поэтому именовать все такого рода ситуации «институциональной сложностью» нет достаточных оснований.

Выводы

Во-первых, проведённый анализ показывает, что рассмотренное выше понятие институциональной сложности характеризует *не институты как таковые*, а несоответствие поведенческих требований, которые выдвигают различные составляющие институциональной среды. Иначе говоря, институциональная сложность — это свойство несистемной, несогласованной институциональной среды. Поскольку последняя включает как формальные, так и неформальные институты, т.е. не является полностью искусственно спроектированной, наличие упомянутых несоответствий является её вполне понятным и естественным свойством.

Сложность институтов как таковых определяется и оценивается лишь в юридической науке, где термин «институт» трактуется весьма специфически. Можно ли дать характеристику сложного института в рамках новой институциональной экономической теории? Как представляется, каких-либо препятствий для этого нет: ведь речь идёт ещё об одной классификации институтов. Например, *сложными* можно назвать такие формальные (правовые) институты, которые включают несколько правил поведения адресатов в определённой ситуации, а *простыми* — те, которые включают только одно правило. Как известно, подавляющее большинство законов состоит из нескольких разделов, которые включают несколько статей и т.п. Это означает, что если считать каждый закон составной частью одного института, которая дополняется механизмом инфорсmenta этого закона, то такой институт является сложным. Другой вариант подобного определения — это составной характер механизма инфорсmenta, который могут осуществлять либо одно, либо несколько государственных ведомств. В первом случае институт можно считать простым, во втором — сложным. Эти два подхода легко объединяются в один, и тогда сложным можно считать институт либо со многими правилами, либо со многими контролирующими организациями, либо с тем и другим одновременно. При этом, как легко видеть, последний вариант оказывается достаточно близким к подходу, базирующемуся на понятии сложной системы.

Таким образом, введение в новой институциональной экономической теории понятия сложности для отдельных институтов не сталкивается с какими-либо методологическими трудностями. Вопрос в другом: создаёт ли введение такого рода характеристики института какое-либо новое и перспективное направление исследований институтов? Иными словами, что добавляет к методике эмпирического институционального анализа введение дополнительного свойства институтов? Ведь характеристика любого исследуемого института как совокупности правила (правил) и механизма (механизмов) принуждения адресатов правил к их исполнению — исходный пункт его изучения, и выявление в описании не одного правила или механизма инфорсmenta, а нескольких, вряд ли что изменит в методике анализа.

Правда, в случае обнаруженной сложности института у исследователя возникает *новая задача*: выявить *формы и результаты взаимодействия* совокупности правил и/или механизмов инфорсmenta, которая не возникает в случае простых институтов. Тем самым, некоторая новизна при использовании в исследовании понятия сложности института всё же, на первый взгляд, возникает, однако насколько она будет действительно новой? Ведь если мы обнаруживаем, что в анализируемом институте несколько разных правил или несколько механизмов инфорсmenta, разве мы отказались бы от выявления форм и последствий их взаимодействия, если бы не использовали понятия сложности? Таким образом, введение понятия сложности института (в том варианте, как оно описано выше) вряд ли может привести к принципиально новому направлению институционального анализа. Сказанное, разумеется, не означает, что невозможно какое-то совсем иное определение сложности института.

Во-вторых, результаты анализа понятия «институциональная сложность», используемого в организационном институционализме, полезно рассмотреть в более широком контексте проблем развития исследований организаций и менеджмента, обсуждаемых в данной области на протяжении последних десятилетий. Основная из этих проблем — ощутимый и неумещающийся разрыв между теорией и практикой, между содержанием теоретических публикаций и темами, интересующими менеджеров-практиков (см.: [Ploszajski, 1978; Shrivastava and Mitroff, 1984; Hambrick, 1994; Beer, 2001; Van De Ven, Johnson, 2006; Banks, Pollack, Bochantin, Kirkman, Whelpley, 2016] и многие другие). Столь значительная продолжительность обсуждения данной проблемы побудила Л. Коскелу обратиться к поиску истоков дискуссии. Проведённое им исследование [Koskela, 2017] позволило предположить, что в основе лежат отчёты, подготовленные по заказу фондов Форда и Карнеги [Gordon, Howell, 1959; Pierson, 1959], показавшие, что в американских бизнес-школах преподавание теории находится на очень низком уровне, что делает их похожими на ремесленные училища (trade schools) и лишает их легитимности как академические организации. Естественно, руководители бизнес-школ начали исправлять указанные недостатки, так что именно теория вышла на первый план как в области преподавания, так и в сфере исследований, которые вели и ведут их профессора и преподаватели. Добавлю, что этот «поворот к теории» с начала 1990-х гг. был закреплён постепенным распространением в управлении бизнес-школами принципов нового государственного менеджмента, что сделало оценку работников по публикациям в ведущих журналах одним из основных факторов их карьерного роста (включая, естественно, оплату их труда).

Результаты этого поворота были достаточно детально освещены в статье [Tourish, 2020]. Исходя из ряда приводимых примеров, опубликованных в ней, посвящённых теории менеджмента и организаций, демонстрирующих переусложнённость текстов и использование специально создаваемых терминов, автор заключает: «Поскольку развитие новой теории весьма сложно и потому является редкостью, многие статьи отражают только иллюзию развития теории» [Ibid. P.99]. Для раскрытия механизмов такого искусственного теоретизирования Л. Эмпсон использовала метафору структуры сказки Андерсена о новом платье короля [Empson, 2020]. В роли короля, по её мнению, выступают издатели престижных журналов группы «А», требующие новых теорий, а также деканы бизнес-школ, предоставляющие привилегии тем, кто печатаются в этих журналах. Ткачей, готовых создать уникальную, невидимую непосвящённым ткань, играют сверхъестественно (preternaturally) продуктивные профессора, способные создавать неисчерпаемый (inexhaustible) поток статей для высокостатусных журналов. «Мы можем доказывать (у них за спиной), что они вряд ли могут сказать что-то существенное, что их работы вычурны (pretentious) и бестолковы (obtuse), или технически искусны, но банальны. Но дело в том, что они знают, как “играть игру”» [Ibid. P. 228]. Наконец, роль придворных подхалимов принадлежит тем сотрудникам бизнес-школ, которые видят реальное «платье», создаваемое «ткачами», но боятся, что их признают безнадежно бестолковыми (hopelessly stupid) и они утратят позиции в «королевской процессии». Как представляется, приведённая метафора очень чётко и убедительно показывает механизм создания и длительного существования слабо обоснованных, но плохо понятных теорий, замкнувшихся в своём «птичьём» языке и не учитывающих результаты исследований, проводимых в той же предметной области конкурирующими исследовательскими программами.

Возвращаясь к вопросу, вынесенному в заголовок этой статьи, можно, как показывает проведённый анализ, дать следующий неполиткорректный ответ на него: за понятием «институциональной сложности» скрывается удобство его использования при написании статей, не содержащих нового научного знания. Неопределённость этого понятия даёт самые широкие возможности его использования в меняющемся и ускользающем смысле, на основе чего автор может неограниченно долго рассуждать о нём, не делая попыток строго обосновать свои утверждения.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Джалилова Е.А. (2018). Проблемы определения понятия и сущности института права [Dzhalilova E.A. (2018). Problems of definition of the concept and essence of the institute of law] // *Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева*. Т. 1. № 2. С. 22–31.
- Ирхин Ю.В. (2014). Управленческий потенциал, возможности и пределы институционализма и неинституционализма [Irhin, Ju. V. (2014). Management potential, opportunities and limits of institutionalism and neoinstitutionalism] // *Ars Administrandi*. № 2. С. 63–71.
- Исламутдинов В.Ф. (2014). Сущность и классификация институтов институциональной среды инновационной деятельности [Islamutdinov V.F. (2014). The essence and classification of the institutions of the institutional environment of innovation] // *Journal of Institutional Studies*. Т. 6. № 2. С. 79–90.
- Орехова С.В. (2015). Методологические основы определения институциональной сложности рынка [Orekhova S.V. (2015). Methodological Bases for Determining Institutional Complexity of Markets] // *Управленец*. № 4. С. 24–35.
- Орехова С.В. (2016). Теоретическая модель анализа институциональной среды отраслевых рынков [Orekhova S.V. (2016). The theoretical model of the institutional environment industry markets analysis] // *Теоретическая и прикладная экономика*. № 3. С. 164–176.
- Тамбовцев В.Л. (2022a). Конкуренция: условие или барьер роста научного знания? [Tambovtsev V.L. (2022a). Competition: Provision or Barrier for the Growth of Scientific Knowledge?] // *Управление наукой: теория и практика*. Т. 4. № 2. С. 143–168.
- Тамбовцев В.Л. (2022b). Множественность институционализмов и трудности научной коммуникации [Tambovtsev V.L. (2022b). The plurality of institution approaches and difficulties of scholarly communication] // *Journal of Institutional Studies*. №14(1). С. 6–24.
- Тамбовцев В.Л. (2021). Институционализмы в экономической науке: что стоит за их разнообразием? [Tambovtsev, V.L. (2021). Institutionalisms in economics: What are behinds their variety?] // *Journal of Institutional Studies*. № 13(1). С. 86–99.
- Шварцбург Ц.В. (2011). Малый бизнес в российской олигополистической экономике [Shwartsburd Ts.V. (2011). Small business in Russian oligopolistic economy] // *Journal of Institutional Studies*. Т. 3. № 2. С. 59–97.
- Шмерлина И.А. (2016). «Институциональная логика»: критический анализ направления [Shmerlina I.A. (2016). “Institutional Logics”: Critical Analysis of the Direction] // *Социологический журнал*. Т. 22. № 4. С. 110–138.
- Armstrong J.S. (1982). Barriers to Scientific Contributions: The Author’s Formula // *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 5. No. 2. Pp. 197–199.
- Arthur W. (1999). Complexity and the Economy // *Science*. Vol. 284. No. 5411. Pp. 107–109.
- Banks G., Pollack J. M., Bochantin J., Kirkman B. L., Whelpley C. E. (2016). Management’s Science–Practice Gap: A Grand Challenge for All Stakeholders // *Academy of Management Journal*. Vol. 59. No. 6. Pp. 2205–2231.
- Beer M. (2001). Why management research findings are unimplementable: an action science perspective // *Reflections*. Vol. 2. Is. 3. Pp. 58–65.
- Byrne D., Callaghan G. (2014). *Complexity Theory and the Social Sciences*. — London & New York: Routledge.
- Cameron K. (1986). Effectiveness as paradox: consensus and conflict in perceptions of organizational effectiveness // *Management Science*. Vol. 32. Is. 5. Pp. 539–53.
- Cilliers P. (2000). What can we learn from a theory of complexity? // *Emergence: Complexity and Organization*. Vol. 2. No. 1. Pp. 23–33.
- Complex New World. *Translating New Economic Thinking into Public Policy* (2012). / Dolphin T., Nash D. (eds.). — London: Institute for Public Policy Research.
- Connolly T., Conlon E.J., Deutsch S.J. (1980). Organizational effectiveness: A multiple constituency approach // *Academy of Management Review*. Vol. 5. No. 2. Pp. 211–217.
- Coon C.S. (1948). *A Reader in General Anthropology*. — New York: Henry Holt.
- Costa M.C., Teixeira M.G. (2013). Institutional logics and social mechanisms: a pragmatic multilevel perspective // *Revista de Administração da Universidade Federal de Santa Maria*. Vol. 6. No. 2. Pp. 415–429.
- DeCaro D.A., Chaffin B.C., Schlager E., Garmestani A.S., Ruhl J. B. (2017). Legal and institutional foundations of adaptive environmental governance // *Ecology and Society*. Vol. 22. Is. 1. Pp. 1–32.
- Duit A., Galaz V. (2008). Governance and Complexity: Emerging Issues for Governance Theory // *Governance*. Vol. 21. Is. 3. Pp. 311–335.
- Empson L. (2020). The Emperor’s New Clothes: How Our Fear of Seeming Stupid Became a Self-Fulfilling Prophecy // *Academy of Management Learning and Education*. Vol. 19. No. 2. Pp. 227–229.
- Faude B. (2020). International Institutions in Hard Times: How Institutional Complexity Increases Resilience // *Complexity, Governance & Networks*. Vol. 6. No. 1. Pp. 46–54.
- French M., Lowe T., Wilson R., Mary-Lee R., Hawkins M. (2021). Managing the complexity of outcomes: A new approach to performance measurement and management // *Handbook on Performance Management in the Public Sector* / Blackman D. (ed.). — Cheltenham: Edward Elgar. Pp. 111–128.
- Frickel S., Gross N. (2005). A General Theory of Scientific/Intellectual Movements // *American Sociological Review*. Vol. 70. No. 2. Pp. 204–232.

- Friedland R., Alford R.R. (1991). Bringing Society Back In: Symbols, Practices, and Institutional Contradictions // *The New Institutionalism in Organizational Analysis* / Powell W.W., DiMaggio P.J. (eds.). — Chicago: University of Chicago Press. Pp. 232-263.
- Gala P., Rocha I., Magacho G. (2018). The structuralist revenge: Economic complexity as an important dimension to evaluate growth and development // *Brazilian Journal of Political Economy*. Vol. 38. No. 2. Pp. 219-236.
- Goldstein J.A., Hazy J.K., Silberstang J. (2008). Complexity and Social Entrepreneurship: A Fortuitous Meeting // *Emergence: Complexity and Organization*. Vol. 10. No. 3. Pp. 9-24.
- Goldstein J.A., Hazy J.K., Silberstang J. (2010). A Complexity Science Model of Social Innovation in Social Enterprise // *Journal of Social Entrepreneurship*. Vol. 1. No. 1. Pp. 101-125.
- Gordon R.A., Howell J.E. (1959). *Higher Education for Business*. — New York: Columbia University Press.
- Greenwood R., Raynard M., Kodeih F., Micelotta E., Lounsbury M. (2011). Institutional Complexity and Organizational Responses // *Academy of Management Annals*. Vol. 5. Is. 1. Pp. 317-371.
- Haigh N., Walker J., Bacq S., Kickul J. (2015). Hybrid Organizations: Origins, Strategies, Impacts, and Implications // *California Management Review*. Vol. 57. No. 3. Pp. 5-12.
- Hambrick D. (1994). What if the Academy actually mattered? // *Academy of Management Review*. Vol. 19. No. 1. Pp. 11-16.
- Hamilton W.H. (1919). The Institutional Approach to Economic Theory // *American Economic Review*. Vol. 9. No. 1. Pp. 309-318.
- Harris A.L. (1932). Types of Institutionalism // *Journal of Political Economy*. Vol. 40. No. 6. Pp. 721-749.
- Hausmann R., Hidalgo C.A., Bustos S., Coscia M., Chung S., Jimenez J., Simoes A. J.G., Yildirim M.A. (2014). *The Atlas of Economic Complexity*. — Cambridge, MA: Puritan Press.
- Hidalgo C.A., Hausmann R. (2009). The Building Blocks of Economic Complexity // *Proceedings of the National Academy of Sciences US (PNAS)*. Vol. 106 (26). Pp. 10570-10575.
- Kim R. E. (2020). Is Global Governance Fragmented, Polycentric, or Complex? The State of the Art of the Network Approach // *International Studies Review*. Vol. 22. Pp. 903-931.
- Kistruck G.M., Beamish P.W. (2010). The Interplay of Form, Structure, and Embeddedness in Social Intrapreneurship // *Entrepreneurship Theory and Practice*. Vol. 34. No. 4. Pp. 735-761.
- Koskela L. (2017). Why is management research irrelevant? // *Construction Management and Economics*. Vol. 35. Is. 1-2. Pp. 4-23.
- Ladyman J., Lambert J., Wiesner K. (2013). What is a complex system? // *European Journal for Philosophy of Science*. Vol. 3. No. 1. Pp. 33-67.
- Lakatos I. (1970). Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes // *Criticism and the Growth of Knowledge* / Lakatos I., Musgrave A. (eds.). — Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 91-196.
- Lubell M. (2013). Governing Institutional Complexity: The Ecology of Games Framework // *Policy Studies Journal*. Vol. 41. No. 3. Pp. 537-559.
- May C.K. (2022). Complex adaptive governance systems: a framework to understand institutions, organizations, and people in socio-ecological systems // *Socio-Ecological Practice Research*. Vol. 4. Is. 1. Pp. 39-54.
- Naroll R. (1956). A preliminary index of social development // *American Anthropologist*. Vol. 58. No. 4. Pp. 687-715.
- North D.C. (1984). Transaction Costs, Institutions, and Economic History // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. Bd. 140. H. 1. Pp. 7-17.
- North D.C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. — New York: Cambridge University Press.
- Orsini A., Le Prestre P., Haas P. M., Pattberg P., Brosig M., Widerberg O., Gomez-Mera L. (2019). Forum: Complex Systems and International Governance // *International Studies Review*. Vol. 70. Pp. 1-31.
- Pierson F.C. (1959). *The Education of American Businessmen*. — New York: John Wiley.
- Płoszajski P. (1978). Organizational Theory and Practice: Cooperation or Ritual Solo Dances? // *Polish Sociological Bulletin*. No. 43/44. Pp. 127-138.
- Quinn R., Rohrbaugh J. (1981). A competing values approach to organizational effectiveness // *Public Productivity Review*. Vol. 5. No. 2. Pp. 122-40.
- Roos M.W. (2021). Modeling radical uncertainty and anticipating uncertain change with models // *Forum for Social Economics*. Vol. 50. Is. 2. Pp. 175-193.
- Sassower R. (2021). Should Anyone Care about Scientific Progress? // *Philosophy of the Social Sciences*. Vol. 51. Is. 1. Pp. 58-90.
- Sbardella A., Pugliese E., Zaccaria A., Scaramozzino P. (2018). The role of complex analysis in modelling economic growth // *Entropy*. Vol. 20. No. 11. Article 883.
- Schuck P.H. (1992). Legal complexity: Some causes, consequences, and cures // *Duke Law Journal*. Vol. 42. No. 1. Pp. 1-52.
- Shrivastava P., Mitroff I.I. (1984). Enhancing Organizational Research Utilization: The Role of Decision Makers' Assumptions // *Academy of Management Review*. Vol. 9. No. 1. Pp. 18-26.
- Sindzingre A.N. (2021). Concept and causation: Issues in the modelling of institutions // *Forum for Social Economics*. Vol. 50. Is. 2. Pp. 194-213.

- Skelcher C., Smith S.R. (2015). Theorizing Hybridity: Institutional Logics, Complex Organizations, and Actor Identities: The Case of Nonprofits // *Public Administration*. Vol. 93. No. 2. Pp. 433–448.
- Tacchella A., Cristelli M., Caldarelli G., Gabrielli A., Pietronero L. (2013). Economic Complexity: Conceptual Grounding of a New Metrics for Global Competitiveness // *Journal of Economic Dynamics and Control*. Vol. 37. Is. 8. Pp. 1683–1691.
- The Complexity Turn: Cultural, Management, and Marketing Applications* (2017). / Woodside A.G. (ed.). — Cham: Springer International Publishing.
- Tourish D. (2020). The triumph of nonsense in management studies // *Academy of Management Learning & Education*. Vol. 19. No. 1. Pp. 99–109.
- Van Assche K., Valentinov V., Verschraegen G. (2022). Adaptive governance: Learning from what organizations do and managing the role they play // *Kybernetes*. Vol. 51. No. 5. Pp. 1738–1758.
- Van De Ven A.H., Johnson P.E. (2006). Knowledge for Theory and Practice // *Academy of Management Review*. Vol. 31. No. 4. Pp. 802–821.
- Vinci G.V., Benzi R. (2018). Economic complexity: Correlations between gross domestic product and fitness // *Entropy*. Vol. 20. No. 10. Article 766.
- Von Bertalanffy L. (1950a). An outline of general system theory // *British Journal for the Philosophy of Science*. Vol. 1. No. 2. Pp. 134–165.
- Von Bertalanffy L. (1950b). The Theory of Open Systems in Physics and Biology // *Science*. Vol. 111. No. 2872. Pp. 23–29.
- Williamson O.E. (1975). *Markets and Hierarchies, Analysis and Antitrust Implications: A Study in the Economics of Internal Organization*. — New York: Free Press
- Woodhill J. (2010). Capacities for Institutional Innovation: A Complexity Perspective // *IDS Bulletin*. Vol. 41. No. 3. Pp. 47–59.
- Zammuto R. (1984). A comparison of multiple constituency models of organizational effectiveness. — *Academy of Management Review*. Vol. 9. No. 4. Pp. 606–616.

Тамбовцев Виталий Леонидович

tambovtsev@econ.msu.ru

Vitaly Tambovtsev

Doctor of sciences (Economics), professor, Chief Researcher, faculty of Economics Lomonosov Moscow State University

tambovtsev@econ.msu.ru

INSTITUTIONAL COMPLEXITY: IS IT A NEW DIRECTION FOR INSTITUTIONAL RESEARCH?

Abstract. Recently, the concept of complexity and complex systems has become quite widespread in various areas of the social sciences, including economics. This turn towards complexity also affected the study of institutions. The article is devoted to the analysis of the current directions of the complexity concept application in institutional studies in terms of the results obtained in them. Particular attention is paid to the concept of “institutional complexity”, which has become widespread within the framework of organizational institutionalism. It is shown that this concept does not reflect any new, previously unexplored phenomenon, but denotes a special case of a situation of choosing from several alternatives, some of which are following different institutions. The reasons for the widespread use of this concept, due to modern features of competition in science, are analyzed.

Keywords: *complexity, institution, institutional logics, institutional complexity, competition of research programs.*

JEL: B52, D91.